

А. Д. СУХОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ И РЕЛИГИЯ

В литературе о Толстом давно уже сложились определенные стереотипы, затрудняющие восприятие его философии. Один из них состоит в том, что Толстой — философ религиозный, а произведения, написанные им, являются религиозно-философскими. И стереотип этот достаточно прочен — тем более, что создавался он сразу с двух сторон. Толстой религиозен, пусть он и не был согласен с той религиозностью, которая поддерживалась официально, — именно на этом сходились представители диаметрально противоположных линий в философии — Платона и Демокрита. «Толстой не отвергал религию, он лишь старался улучшить ее», — утверждали те и другие. Обсуждение религиозности Толстого или того, что за нее принималось, началось еще при его жизни; попытки разобраться в ней не закончились еще и поныне.

В. И. Ленин находил в его учении проповедь «новой, очищенной религии»¹, культивирование «самой утонченной» поповщины². Г. В. Плеханов утверждал, что Толстой не мыслил своего существования «без веры в бога»³, что ему «всегда была близка основа не только христианского, но и всякого вообще религиозного мирозерцания»⁴.

Восприятие Толстовского мировоззрения как рафинированной религии надолго стало общим местом для историко-философской науки в нашей стране. Нет необходимости, да и возможности, приводить здесь многочисленные заявления на сей счет. Ограничимся мнением двух достаточно авторитетных ее представителей. В юбилейном Толстовском 1928 г. А. В. Луначарский говорил по интересующему нас вопросу, что Толстой «был религиозен», хотя он, будучи культурным и достаточно критически мыслящим человеком, «не мог верить без сомнений»⁵. В 1957 г. В. Ф. Асмус, представляя читателю философские трактаты Толстого, публиковавшиеся в полном собрании его сочинений, говорил о них именно как о религиозно-философских, поддерживая известную точку зрения о том, что автор их на место официальной ставит утонченную форму религии, и добавлял, что результатом ее «могло быть только торжество и упрочение неравенства и насилия угнетателей над угнетаемыми»⁶.

Представители русского религиозного Ренессанса и философского зарубежья XX в. также держались того мнения, что Толстой не чуждался религии, только не тривиальной, казенной и обывательской, а иной, особой. Лишь оценки этому давались, естественно, не осуждающие, но одобрительные.

Для С. Н. Булгакова было очевидно безмерное значение Толстого в религиозно-нравственной жизни русского и всего европейского общества. Согласно Булгакову, именно с него начинается религиозное возрождение русской интеллигенции после долгого и безраздельного господства в ее среде неверия и религиозного индифферентизма. В философии Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева, по его мнению, можно найти религиозную истину, в сочинениях Толстого воплощено искание ее. В чем суть Толстовского мировосприятия? — задавался Булгаков вопросом и отвечал не него:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 21.

² Там же. Т. 17. С. 210.

³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. Т. 5. М., 1958. С. 615.

⁴ Там же. С. 616.

⁵ Луначарский А. В. Толстой и наша современность // Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. М., 1961. С. 420.

⁶ Асмус В. Ф. Религиозно-философские трактаты Л. Н. Толстого // Толстой Л. Н. Поли собр. соч. Т. 23. М., 1957. С. 8.

«В христианском религиозном настроении, определяющем характер и философии, и искусства»⁷.

Н. Я. Абрамович в книге, специально посвященной «религии Толстого», утверждал, что, знакомясь с его сочинениями, вступаешь в область мистики, что ему было свойственно мистическое исповедание веры, что то, к чему он пришел, «было слово мистика»⁸. Иначе говоря, Толстой не только веровал, но и вступал или намеревался вступить в непосредственный контакт с богом.

В 1948—1950 гг. в Париже была издана «История русской философии» В. В. Зеньковского. Автор подводил в ней некоторые итоги тому подходу к русской философии, как к всецело идеалистической и религиозной, который имел место в зарубежье. Уделяет внимание Зеньковский и Толстому. Сочинения его Зеньковский традиционно рассматривает как религиозно-философские; сам же Толстой, по его мнению, был религиозным человеком. Более того: он «стал проповедником и пророком возврата к религиозной культуре»⁹. Его учение, согласно Зеньковскому, мистично и иррационально. Толстому раскрылась бессмысленность жизни, не связанной с Абсолютом. В Христе он видит бога. Расхождение его с церковью является «недоразумением». Толстой совершил поворот к теократии, а в его отношении к православию можно усмотреть «глубочайшую связь».

Интерпретация философии Толстого, о которой шла речь, не является лишь достоянием истории и не канула в Лету. Напротив, в последнее время она встречается даже в учебной литературе. В учебном пособии «История русской философии», изданном Институтом философии РАН в 1998 г., философские взгляды Толстого рассматриваются в разделе «Религиозная философия». Здесь вновь говорится о том, что учение его иррационалистично и мистично, что он верует в Христа, как в Бога, и дает «обоснование религии»¹⁰.

Версия о религиозности Толстого появилась, конечно, не случайно, и формальные основания для ее существования есть. В лексиконе Толстого постоянно встречаются понятия «бог» и «религия». Он утверждал даже, что отходит от церкви, чтобы лучше служить богу, а от извращенного христианства отказывается во имя истинного. Какой, однако, реальный смысл вкладывал он во все это?

Еще в марте 1855 г., т. е. на начальном этапе философской деятельности, Толстой почувствовал себя способным посвятить жизнь тому, чтобы осуществить мысль, на которую он был наведен тогдашними разговорами с окружающими: «Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле»¹¹. Стремление создать «новую религию» не угасло в нем, хотя стало осуществляться много позже — с конца 70-х — начала 80-х гг. Над воплощением этой, впервые посетившей его в 1855 г., идеи Толстой работал в дальнейшем до конца своей жизни.

Его «новая религия» была принципиально отлична от старых, традиционных, сложившихся в истории. Исторические религии базируются на вере в сверхъестественное, противопоставлении земного мира неземному. Ничего подобного в «религии» Толстого нет.

О том, что представляет собой религия в его понимании, Толстой говорил много раз и в различных произведениях. По его определению, это учение о жизни и

⁷ Булгаков С., Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (параллели) // Литературное дело: Сборник СПб., 1902. С. 138.

⁸ Абрамович Н. Я. Религия Толстого. М., 1914. С. 124.

⁹ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 201.

¹⁰ История русской философии: Учебное пособие. М., 1998. С. 160.

¹¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 47. М., 1937. С. 37.

сопутствующее ему объяснение, «почему жизнь должна быть такая, а не иная»¹². Так писал он в работе «В чем моя вера?» В других сочинениях Толстой подчеркивал, что в его религии идет речь о смысле и назначении человеческого существования, его нравственной значимости, об отношении к близким и ко всему миру. Он считал, что эта религия находится в согласии с разумом и современными знаниями, рекомендует добрую жизнь в любви со всеми, советует поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Итак, религия Толстого сводится к совокупности нравственных заповедей, организуемых определенными мировоззренческими установками.

Конструировал эту религию Толстой следующим образом. Ее первоначальное ядро составила изложенная в Евангелиях нравственная проповедь Христа, которая была освобождена от какого бы то ни было налета сверхъестественного. По мере все более основательного ознакомления с другими конфессиями Толстой расширял содержание своей религии за счет критического прочтения текстов, которыми располагали они.

Нравственные постулаты, сформулированные в различных религиях, «записаны, — как образно выразился Толстой, — еще и в сердце каждого человека как несомненные и радостные истоны»¹³. Однако далеко не каждый способен в достаточной мере ясно возвестить об этих нормах нравственности и справедливости, стихийно складывающихся в сознании и поведении людей. Все же, помимо основателей религий, их высказывали и другие мыслители, постигавшие смысл человеческого бытия.

Толстой отдавал им должное. Он не выражал даже претензий быть автором того философско-этического учения, которое пропагандировал, отводя себе скромную роль ученика и последователя сильных сего — религиозного и философского — мира. Однако составные этого учения — всего лишь строительный материал, взятый от прежних идейных построений, обработанный, а затем пущенный в дело для возведения нового сооружения философским зодчим его.

Толстой не был склонен отрицать не только понятие «религия», но и «церковь». Но, конечно, подразумевалась при этом не православная церковь или какая-либо другая из существующих. Не клир это и не толпы доверившихся ему прихожан. Это те, кто разделяет созданную Толстым «истинную» религию или самостоятельно пришел к чему-то подобному. Единение в этой церкви достигается «истинным познанием человека и бога»¹⁴.

Бог — одна из главных категорий Толстовской религии. Для Толстого бог не является некой внешней человеку сущностью. Толстой полагает, что знать бога и нравственно жить — одно и то же. Ипостасями такого бога являются нравственные нормы поведения. Толстой называет их. Это — братство и любовь; добро и совесть; стремление давать другим людям больше того, что сам берешь от них. Бог — это те лучшие качества, свойственные человеку, в соответствии с которыми он может разумно устраивать свою жизнь. «Бог есть то высшее, что есть в нас»¹⁵.

Отвергая религии, известные истории, Толстой стремился поставить на их место свою собственную, синонимом которой являлась нравственность. Использование религиозной терминологии не в том значении, которое общепризнано и общеупотребительно, создавало, конечно, как и в других подобных случаях, предпосылки для недоразумений и фальсификаций. И все же несостоятельность последних несомненна. «Религиозность» Толстого напоминает таковую у Л. Фейербаха, Э. Геккеля, А. Эйнштейна или А. В. Луначарского (когда он был богостойителем), также не отказывавшихся от «религии», но дававших ей произвольное толкование, вкладывавших в нее иной, отличный от принятого, смысл.

¹² Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. Т. 23. С. 445.

¹³ Там же. Т. 90. С. 87.

¹⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 90. С. 87.

¹⁵ Там же. Т. 57. С. 109.

Религию же как таковую, подлинную, Толстой не принимал. Он считал, что различные исторические религии не что иное, как суеверия, а суеверия являются «верой в ложь»¹⁶.

К религии Толстой подходил как философ-религиовед, критически мыслящий исследователь и как стремящийся преодолеть ее влияние в обществе публицист.

Говоря о религии, Толстой имел в виду прежде всего христианскую, а в ней — конкретное появление ее, православие. Знакомство в дальнейшем с другими существующими в современном ему мире религиями не изменяло тех принципиальных положений, которые складывались при изучении христианства. Выводы Толстовского религиоведения приобретали универсальный характер. Толстой убеждался, что в своих существенных чертах основные современные ему религии сходны.

Общее обнаруживал Толстой и в исторических судьбах разных религий. Мысли, высказанные их основателями, существенно отличаются от того, что было принято в них впоследствии. Изначальные положения, свойственные религиям Запада и Востока, в их совокупности, могли послужить делу той «истинной» религии, которую создавал Толстой. Последующая история религий — это история их искажения, извращения; находятся и люди, совершающие и оправдывающие эти отступления. Толстой высказывал убеждение, что разрыв с учением Христа начался с проповеди Павла и совершился «окончательно во время Константина»¹⁷.

Проблема первоначального и позднейшего христианства, их соотношения, занимала, естественно, не одного лишь Толстого. Она привлекала к себе и других религиоведов. Исследования, даже если они осуществлялись параллельно, независимо друг от друга, приводили к сходным результатам. Ф. Энгельс, подводя итоги проделанной им к 1894 г. работы, писал в своем сочинении «К истории первоначального христианства»: «Итак, мы видим, что христианство того времени, еще не осознавшее само себя, как небо от земли отличалось от позднейшей, зафиксированной в догматах мировой религии Никейского собора; оно до неузнаваемости не похоже на последнее»¹⁸.

Религиоведческие исследования, современные Толстому и последующие, безусловно подтверждают правомерность его исследовательской ориентации на противопоставление проповеди Христа позднейшей догматизированной и переработанной версии христианства.

Христос не воспринимался Толстым как некая божественная сущность. Признание его богом он рассматривал как «страшное кощунство»¹⁹. В трактовке Толстого он — мыслитель и проповедник, учитель жизни, свое существование завершивший «такой же настоящей смертью, как и все люди»²⁰.

В то же время Толстой прослеживал мифотворчество в отношении Иисуса, процесс наделения его сверхъестественными качествами. О воскресении он писал: «История зарождения этой легенды так ясна, как только может быть. В субботу пошли смотреть гроб. Тела нет. Евангелист Иоанн рассказывает сам, что говорили, что тело вынули ученики. Бабы идут к гробу, одна — порченная Мария, из которой выгнано семь бесов, и она первая рассказывает, что видела что-то у гроба: не то садовник, не то ангел, не то сам. Рассказ переходит от кумушек к кумушкам и к ученикам. Через 80 лет рассказывают, что точно видел его тот и тот, там и там, но все рассказы сбивчивы, неопределенны. Никто из учеников не выдумывает — это очевидно, но никто тоже из людей, чтущих его память, не решается и противоречить тому, что клонится, по их понятиям, к славе его и, главное, к убеждению других в том, что он от Бога, что он

¹⁶ Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. Т. 78. С. 258.

¹⁷ Там же. Т. 23. С. 438.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 478.

¹⁹ Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. Т. 58. С. 115.

²⁰ Там же. Т. 66. С. 247.

любимец Бога и что Бог в честь его сделал знамение. Им кажется, что это самое лучшее доказательство, и легенда растет, распространяется»²¹.

В результате растущей мифологизации мудрое и важное, содержащееся в учении Христа, по словам Толстого, оказалось зарыто в хлам легенд; требуются немалые усилия, чтобы рассмотреть учение Христа за этой скрывающей и мистифицирующей его оболочкой, извлечь его оттуда и представить для всеобщего ознакомления.

Позднейшее же христианство, ставшее официальным, – «ложное учение». С учением Христа, с теми заповедями, которые были завещаны им, оно не имеет ничего общего. Оно, и в частности такой его вариант, как православие, по словам Толстого, «есть первый и злейший враг Христа и его учения»²². Толстой называл его псевдохристианством, говорил о подмене им подлинного учения Христа.

Толстой рассмотрел все ингредиенты этого христианства и нашел, что ни один из них не выдерживает критики.

В книгах, которые христианство считает священными, он отмечал ценность рассуждений Соломона и Екклесиаста, притчи и проповеди Христа, в которых излагалось его учение. Он не соглашался, однако, с общей высокой оценкой этих книг и уж, конечно, не мог признать приписываемых им сверхъестественного характера и происхождения. Толстой писал: «...считаю библию собранием всякого рода часто очень дурных и вредных сказаний еврейского народа; евангелие же считаю переполненным суеверными рассказами, описанием жизни и нравственного учения человека, которым надо пользоваться, только старательно отбирая истинное от ложного...»²³

Толстой подчеркивал также, что сам Христос ничего не писал — в отличие, скажем, от Платона, Филона или Марка Аврелия. Но нельзя уподобить его и Сократу, передававшему свои идеи, хотя и изустно, высокообразованным слушателям. Подобной аудитории у Христа не было. Лишь почти столетие спустя после его смерти начали появляться записи того, что он говорил и делал. Записи эти множились, и из них-то уже — достаточно произвольно — отбиралось то, что казалось лучше.

Читателям библейских книг Толстой рекомендовал учитывать ту огромную работу, которая проделана научной библеистикой. Нельзя, в том числе, игнорировать и столетний труд по изучению евангелий. Говорить о евангелиях без учета этого критического опыта — все равно, что при обсуждении картины мира оставаться в рамках геоцентрической системы и считать, что солнце вращается вокруг земли.

Исследовано и отвергнуто Толстым существующее в историческом христианстве учение о боге. 8 июля 1853 г., т. е. в самом начале своей философской деятельности, Толстой записал в дневнике: «Не могу доказать себе существования Бога, не нахожу ни одного дельного доказательства и нахожу, что понятие не необходимо. Легче и проще понять вечное существование всего мира с его непостижимо прекрасным порядком, чем существо, сотворившее его»²⁴. Впоследствии Толстой переосмыслил понятие бога, сохранив термин в своем лексиконе, но его бог не имел ничего общего с христианским.

Последний — «только отвратительное суевие»²⁵. По словам Толстого, это — выдумка, воображаемое существо, излишнее, произвольное представление. Он приводит аргументы против бытия такого бога.

Как совместить благость христианского бога с его мстительностью? Ведь за грехи, совершенные во временной жизни, он карает вечным огнем. Сочетается ли справедливость, приписанная богу, с осуждением человека только за то, что тот не имел случая или возможности креститься, помазаться, причаститься? Если бог всемогущ, то почему не может прекратить зло, которое продолжается и приумножается? Почему он

²¹ Там же. Т. 24. С. 794.

²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 69. С. 115.

²³ Там же. Т. 71. С. 401.

²⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 167.

²⁵ Там же. Т. 69. С. 215.

поставил человека в такой мир, где, словно для того чтобы его запутать, имеется 1000 вер, и каждая из них себя хвалит, а другие осуждают?

Все это и многое другое, по мнению Толстого, создает представление о боге — странном, диком, несправедливом, шальном существе. И дела его не соответствуют добрым замыслам. При сотворении мира он «все приговаривал, что хорошо, и все хорошо, и человек хорошо. Но вышло все очень нехорошо».²⁶

Ближайшее знакомство с таким богом — причем по христианским источникам — должно вызвать полное разочарование у всякого непредубежденного человека. «Я, — пишет о себе Толстой, — думал идти к богу, а залез в какое-то смрадное болото, вызывающее во мне только те самые чувства, которых я боюсь больше всего: отвращения, злобы и негодования»²⁷.

Особо останавливался Толстой на вопросе о троице. Догмат, что бог един и в то же время троичен, выделялся им даже и из других «странных» и «диких» утверждений различных религий как что-то совершенно бессмысленное. «И потому, — писал он, — какой бы авторитет ни утверждал этого, не только все живые и мертвые патриархи александрийские и антиохийские, но если бы с неба непрерывающий голос взывал бы ко мне: Я — один и три, я бы остался в том же положении не неверия — тут верить не во что, — а недоумения. Что значат эти слова? На каком языке, по каким законам могут они получить какой-нибудь смысл?»²⁸. Если троица возможна, то возможно все, что угодно. В частности, можно утверждать, что и богов, в совокупности составляющих единицу, не три, а 17 1/2, скажем.

Вера в душу и потусторонний мир — древнейшие, изначальные представления религии. Можно не признавать бога и быть религиозным. Так именно на первоначальной стадии религии (анимистической) и было. Вера в душу не исчезает и на всех последующих ступенях религиозной истории. Она свойственна всем религиям, в том числе и христианской.

Трактовал понятие души и Толстой, но только совсем иначе, чем какая бы то ни было религия. Для него душа, ее движения — это стремление к истине и добру. Когда же христианство внушает, что душа «вложена» в тело извне, а «тело было способно принять ее, так я, — свидетельствует Толстой, — не верю в душу и спрашиваю, как спрашивают материалисты: покажите же мне то, про что говорите. Где оно?»²⁹ Представление это является, по его мнению, крайне низким и грубым; возникло оно у диких народов из-за смещения сна со смертью. Его нельзя совместить с выработанными им воззрениями. «Жизнь, как мы понимаем жизнь, есть только здесь и не может быть загробной; душа человеческая точно так же есть только явление здешней жизни и потому не может быть бессмертна»³⁰.

В загробные мучения Толстой, по его собственным словам, не верил с детства. Позже его неверие подкреплялось философией, наукой. Он выяснял также, кого подкупают представления о бессмертии души и загробном мире, кто тянется к ним. Самой жизнью предоставлена возможность увеличивать благо здесь и сейчас, и человек обязан сделать мир более радостным и прекрасным для живущих вместе с ним и тех, кто будет жить после. «Только тот, кто не умеет и не хочет находить это благо, может толковать о будущей жизни»³¹.

Не была оставлена Толстым без внимания и христианская обрядность. Таинства он рассматривал как грубое колдовство; поклонение святым, их мощам, оставшимся после

²⁶ Там же. Т. 23. С. 294.

²⁷ Там же. С. 121.

²⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 120.

²⁹ Там же. С. 133.

³⁰ Там же. Т. 77. С. 13.

³¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 56. С. 100.

них предметам — как идолопоклонство. «Но это, — пишет Толстой, — все еще мало. Мало подменить бога святыми, их пальцами и портками, еще нужны иконы»³².

Молитва перед иконой напоминала ему попытку решить дело через секретаря. «Настоящая вера, — согласно Толстому, — не в том, чтобы знать, в какие дни есть постное, в какие ходить в храм и в какие слушать и читать молитвы, а в том, чтобы не в одни праздники, а всегда жить доброю жизнью в любви со всеми, всегда поступать с ближними, как хочешь, чтобы поступали с тобой»³³.

Толстой, впрочем, был убежден, что религиозная обрядность, как и догматика, не имеют первостепенной значимости в жизни людей. Можно, в конце концов, исполнять таинства, говеть, петь псалмы, верить в какие-то догматы, предписанные конфессией, — все это будет не так важно, если следовать при этом заветам Христа, других учителей и мудрецов человечества. Гораздо существенней, чем обрядность и догматика, из того, что разделяет истинную веру и ложную, — это различное понимание ими этических ценностей.

Еще и в наши дни широко бытуют представления, что мораль не существует вне рамок религии, что связи, установившиеся у морали с религией, не могут быть утрачены без катастрофических последствий для общественной нравственности, что если расшатывается религия, падает и мораль.

Необоснованность подобных положений была убедительно показана уже в XVII в. П. Бейлем. В своем «Историческом и критическом словаре», а также и в некоторых других сочинениях, анализируя биографии таких мыслителей, как Эпикур, Б. Спиноза, Д. Ч. Ванини, он установил, что атеизм может сочетаться с честностью, порядочностью, благородством и образцовым поведением, а принадлежность к христианству не исключает злодеяний и недостойного образа жизни. По мнению Бейля, принципы и побудительные причины человеческой деятельности не исчерпываются религией и не сводятся к ней, теологическая же версия о неразрывности нравственности и религии — не более как предрассудок.

Толстой осуществлял свои исследования на путях, проложенных Бейлем. Но от Бейля до Толстого прошло 200 лет. За это время совершались значительные процессы секуляризации, в религии усиливались эпигонские тенденции, уровень религиозной нравственности снижался. Нравственность же, бытовавшая вне рамок христианства, расширяла свою сферу, доказывала жизненность и результативность. Все эти явления — так или иначе — получили отражение в философско-этическом творчестве Толстого.

Религиоведческие студии и жизненные наблюдения не позволяли ему согласиться с тем, что религия доставляет человеку некую высшую духовность и облагораживает его. «По жизни человека, — писал Толстой, — по делам его... никак нельзя узнать, верующий он или нет. Если и есть различие между явно исповедующими православие и отрицающими его, то не в пользу первых... Явное признание и исповедание православия большею частью встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными. Ум же, честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими»³⁴.

Расхождение, возникшее между нравственностью и религией, не случайно. Современное христианство (как и другие религии) проповедует безнравственные положения, считал Толстой.

В христианстве утверждается, что все люди несут на себе тяжесть первородного греха, что все они склонны ко злу. Толстой спрашивает: хорошо ли бы исполняли работники свой труд, если бы им постоянно внушалось, что они и не способны ничего делать удовлетворительно? И при этом добавлялось бы еще: если они хотят успешно выполнять свои обязанности, то должны использовать средства, находящиеся вне их

³² Там же. Т. 23. С. 279.

³³ Там же. Т. 43. С. 305—306.

³⁴ Толстой Л. н. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 2.

работы. А именно это предлагает христианство: «Все вы исполнены греха... Ваши стремления к злу не от вашей воли, а по наследству. Спаситесь своими силами человек не может. Есть одно средство: молитва, таинства и благодать.

Может ли быть изобретено другое более безнравственное учение?»³⁵

Поощрением безнравственности считал Толстой исповедь, на которой периодически прощаются совершенные грехи, чем уничтожается опасение перед согрешением. Безнравственны, по мнению Толстого, «выдумки» о рае и аде. Обещая награды и наказания на том свете, они обесценивают значение доброй жизни, которая может быть только бескорыстной, а не построенной на расчете. А что можно сказать о всеилии причастия? Если с ним опаздывают, то, согласно христианскому представлению о нем, человек отправляется в ад или во всяком случае испытывает на том свете неприятности, и ему там хуже, чем тому, над кем оно совершено вовремя, даже если он — грабитель.

Исторические религии препятствуют восприятию нравственности. Поэтому даже простое отстранение от них способствует обращению к нравственному началу и укреплению его. «Только освободи себя люди, — пишет Толстой, — от верования в разных ормуздов, брам, Саваофов, в воплощения их в кришнах и христах, от верований в рай и ад, ангелов и демонов, от перевоплощений и воскресений, от вмешательства бога во внешнюю земную жизнь; освободи себя, главное, от признания непогрешимости разных вед, библий, евангелий, коранов и т. п.; ...и тот простой, ясный, доступный всем и разрешающий все вопросы и недоумения закон любви, который так свойственен человечеству, станет сам собой ясным и обязательным»³⁶.

Религиозное вероучение разрабатывается, поддерживается и распространяется церковью. Толстой определяет церковь как «собрание некоторых людей, подпавших одному и тому же заблуждению»³⁷. Толстой поднимал вопрос, не являются ли церкви, именующие себя христианскими, учреждениями, лишь отклонившимися от христианства, воспринявшими его неполно, односторонне, формально? Нет, заявлял Толстой, это организации противохристианские; называл он их также паразитами истинного христианства.

В чем видел Толстой отрицательные стороны церковной деятельности? Одна из них — это то, что она распространяет предрассудки и заблуждения. Толстой ставил в вину церкви также фальсификацию библейских текстов, в особенности евангельских сказаний, что позволяло ей скрывать или представлять в искаженном виде подлинную суть христианства.

И все же самую негативную сторону церковной деятельности Толстой видел в другом: в том, что она, в союзе с властью имеющими, поддерживает их и служит им. Вопрос этот в русской философии поднимался и до Толстого. А. Н. Радищев писал о том, что церковь и деспотизм имеют одну цель — они союзно гнетут общество; первая сковывает рассудок людей, второй подчиняет себе их волю. Н. А. Добролюбов полагал, что между деспотизмом и православной церковью возникла «круговая порука».

Толстой, как и его предшественники, считал, что правительства и привилегированные слои общества не смогли бы удержать ситуацию без христианства, которое проповедуется церковью. Церковь также не смогла бы существовать без непосредственной помощи государственной власти и правящих классов. Поэтому церковь, правительство и правящие классы «взаимно поддерживают друг друга»³⁸.

Толстой обращает внимание на то, что, согласно существующему вероучению, люди различаются между собой по воле бога: одним повелено жить в изобилии и иметь власть, другим — пребывать в нужде и повиноваться. Церковь учит тому, что следует

³⁵ Толстой Л. н. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 144.

³⁶ Там же. Т. 37. С. 270—271.

³⁷ Там же. Т. 36. С. 348.

³⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 298.

беспрекословно подчиняться всей иерархии власти, что собственность, принадлежащая привилегированным верхам, неприкосновенна. Церковь предаёт анафеме тех, кого ей велят, и провозглашает многие лета тем, кому велят.

Толстой отмечал и новые явления, которые не могли быть известны ранее, но которые в его время стали все более ощущаться. Влияние церкви и ее пропагандистских усилий заметно снижалось. «Правительство русское, — писал Толстой, — знает и не может не знать, что у нас все держится на религии, и себя основывает на религии, но та религия, на которой оно основывает себя, была нетверда и прежде; теперь уже совсем не держит»³⁹.

Критически осмысливая религиозный феномен, Толстой обращался к самым его истокам: «Всегда, с самых древних времен, люди чувствовали бедственность, непрочность и бессмысленность своего существования и искали спасения от этой бедственности, непрочности и бессмысленности в вере в бога или богов, которые могли бы избавлять их от различных бед этой жизни и в будущей жизни давали бы им то благо, которого они желали и не могли получить в этой жизни»⁴⁰.

Религия в тех ее проявлениях, которые известны ныне и имеют историческое прошлое, должна быть изжита полностью. Толстой считал, что нельзя успокаиваться до тех пор, пока не уничтожено все, что противоречит разуму и требует веры. Религиозные суеверия он сравнивал с раковой опухолью и подчеркивал, что если уж браться за их устранение, то надо идти до конца, «вычистить все». «А оставить одно маленькое — и от него разрастется опять все»⁴¹.

В итоге об отношении Толстого к религии можно, очевидно, сказать следующее. Толстым были рассмотрены все исторические религии, в том числе христианство и его разновидность — православие. Религиозность, подвергнутая им философскому и научному анализу, критической проверки на прочность в любом своем проявлении, по его мнению, не выдерживала. Ни религиозное целое, ни какая-либо часть его ни в малой мере не удовлетворяли Толстого. Что же остается в остатке от его «религиозности»? Ничего, кроме терминологии, которой он дорожил. Есть ли основания считать его религиозным? Думается, что от подобного представления о Толстом следует отказаться полностью и окончательно. Но Толстой не безразличен к религии, он ее противник. Толстой — атеист, и сомневаться в этом не приходится.

³⁹ Там же. Т. 56. С. 80—81.

⁴⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 41, С. 65.

⁴¹ Там же. Т. 44. С. 162.